

В марте 1861 года, уже 150 лет тому назад, в России произошло событие, во многом определившее её дальнейшую историю. Было отменено крепостное право, существовавшее в нашей стране около 300 лет со времён Бориса Годунова. Миллионы русских крестьян получили личную свободу, при этом пострадав экономически, так как на них было возложено тяжкое финансовое бремя расходов, связанных с осуществлением этой реформы. В публикуемом на страницах нашего журнала историческом исследовании, автором которого является известный политический деятель современной России, бывший президент, а ныне государственный советник Республики Саха (Якутия) Михаил Ефимович Николаев, предпринята попытка проанализировать уроки и следствия этого поистине эпохального события.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВ

НА ПОЛЯХ ВЕЛИКОЙ РЕФОРМЫ

УРОКИ ИСТОРИИ

Календарь, который, как известно, имеет пристрастие к великим датам, напомнил нам, что 5 марта 2011 года исполняется 150 лет с того дня, когда российский император Александр II лично огласил Манифест об отмене крепостного права в России. За две недели до этого события он подписал основной документ по этому вопросу – “Положения 19 февраля 1861 года”, который законодательно навсегда отменял крепостное право, существовавшее во всех 45 губерниях европейской части России с численностью крепостных крестьян 22,5 млн человек.

Пышных торжеств по этому случаю не было. Власть предприняла все меры, чтобы общество проявило сдержанность в выражении чувств, опасаясь излишне эмоциональных проявлений радости и восторга со стороны населения. И хотя вся последующая жизнь России определялась именно этой фундаментальной реформой, пристальный общественный интерес к её результатам был проявлен лишь в 1911 году, во время первого, действительно широко отмечавшегося юбилея – 50-летия Манифеста. Однако торжества были омрачены убийством в Киеве другого великого реформатора, тогдашнего премьер-министра России Петра Аркадьевича Столыпина.

К 50-летию были изданы многотомные издания: “Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем”, “Три века. Россия от Смуты до настоящего времени”, объединившие работы и оценки ведущих российских историков и специалистов.

100-летие реформы в 1961 году практически не отмечалось, так как в советское время реформа оценивалась в целом негативно, как обман крестьянства, сопровождавшийся лишением земли и разорением широких крестьянских масс.

Но вот мы стоим в преддверии 150-летия этого великого исторического события в судьбе России, и я глубоко убеждён в том, что необходимо вернуться к воспоминаниям и оценкам истории тех времён.

Отменой крепостного права было положено начало эпохе так называемых “Великих реформ”, коснувшихся различных сторон общественно-политической жизни России и часто в научной-популярной литературе именуемых “революцией сверху”. Я избегаю такого сравнения хотя бы потому, что считаю хорошо продуманную, вовремя свершённую и до конца доведённую реформу лучшим лекарством от революций. Нам следует отметить эту круглую дату в настоящем как важный и поучительный урок национальной истории, способный вооружить нас полезными знаниями и бесценным опытом для дальнейшего продвижения в будущее. Реформа – не одномоментный акт, а достаточно длительный процесс, требующий внимательного управления, умной корректировки со стороны государственной власти. И внимательного, вдумчивого изучения.

Сегодня всем нам необходимо глубоко поразмыслить и постараться почерпнуть из пережитого страной всё полезное, всё то, что продолжает оставаться актуальным для жизни современной России. Ведь задуманная и осуществлённая полтора века назад Освободительная реформа с её великолепными посевами идей оставила и нашему поколению не одну несжатую полосу на современных политических, экономических и социальных, даже нравственных и культурных полях России. Интерес к ней имеет не только академический, но сугубо практический характер.

То была не столько крестьянская, сколько общенациональная по замыслу, системная по структуре и замыслу – Великая реформа, как она же закрепила в своём историческом названии. Да и крестьянский вопрос не потерял своей актуальности и в наше высокотехнологическое время. Он решается теперь в рамках национального проекта большой российской политики. Ведь решение о проведении в современной России столь масштабных перемен не является чьим-то досужим вымыслом, а выступает как сложный стратегический замысел, в чём-то даже вынужденный, но спасительный для страны. Нам необходимо сделать это задуманное дело в границах возможного, ничего не упустив и не впадая в утопию, чтобы не случилось по известному афоризму: “Хотели как лучше, а получилось как всегда”.

Опыт проведения Великой реформы 1861 года, последующих и вытекающих из неё реформ поможет нам увидеть и успешно преодолеть слабые места и препятствия в осуществлении современных преобразований. И что очень важно, предотвратить, избежать досадных ошибок.

Прикрепление крестьян к земле, или “крепость”, наиболее полная и суровая форма крестьянской зависимости, была основана на совокупности правовых норм феодального государства.

Крепостное право включало в себя не только запрет на свободный переход крестьян от одного помещика к другому, но также запрет на отчуждение крестьянином земельного надела, запрет на приобретение им недвижимости. Оно предусматривало пожизненное и наследственное подчинение крестьян административной и судебной власти конкретного помещика. В свою очередь, помещик имел возможность отчуждать крестьян без земли, пользоваться разнообразными, порой аморальными, бесчеловечными формами их внеэкономического принуждения.

Крепостное право не является российским изобретением и нашей национальной спецификой. Крайние формы крестьянской зависимости существовали во всей Европе. Приход крепостного права всегда соответствует в истории определённому этапу развития общественно-политических отношений.

Во многих крупных европейских странах, таких как Англия, Франция, за-

падные области Германии, крепостная зависимость появляется в IX–X веках, в XVI веке – в северо-восточной Германии, в восточной части Австрии и в некоторых других частях Европы гораздо позднее – в XVI–XVII веках.

Крепостная зависимость удерживалась в большей или меньшей степени до XIX века в Германии, Польше, Австро-Венгрии.

Юридическое оформление крепостного права в России началось в правление Ивана III с принятием свода законов единого русского государства – Судебника 1479 года. Статья 57-я этого Судебника ограничивала право крестьянского перехода от одного землевладельца к другому одним сроком для всей страны: неделей “до” и неделей “после” Юрьева дня (26 ноября). Трудновыполнимым условием перехода была уплата “пожилого” – компенсации землевладельцу за потерю им рабочих рук.

В начале 80-х годов XVI века под воздействием экономического кризиса и запустения в России началась перепись вотчинных и помещичьих хозяйств. С 1581 года на территориях, где проводилась перепись, стали вводиться “заповедные годы”, в которые запрещался переход крестьян даже в Юрьев день. В 1592 году, во времена царствования Фёдора Иоанновича (фактическим правителем России в это время был Борис Годунов) перепись была завершена, и был издан специальный Указ, полностью запрещающий переход крестьян. Отсюда пошла поговорка: “Вот тебе, бабушка, и Юрьев день”.

Новое Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года закрепило законодательно бессрочный розыск беглых крестьян, узаконило право наследования поместных земель потомками служилых дворян. Теперь крестьян вместе с их семьями передавали в собственность тех, на чьих землях они проживали. Тем самым помещики получили право не только на труд крестьянина, но и на него самого и на его имущество, причём до конца жизни подвластного.

Землевладельцам передавалось также право вотчинного суда и полицейского надзора за крестьянами, которые при этом не имели права самостоятельно выступать в судах со своими исками, за них это делал их помещик. Заключение браков, семейные разделы крестьян, передача по наследству крестьянского имущества могли происходить только с согласия землевладельца. Также крестьянам запрещалось держать в городах торговые лавки, им разрешалось торговать лишь с возов.

Таким образом, Соборное Уложение 1649 года завершило создание государственной системы крепостного права.

Центром всей экономической жизни села было имение помещика. Принадлежащая помещику земля состояла из двух частей: одна шла под барскую запашку, обрабатываемую трудом крепостных, а другая – крестьянская, переданная им в пользование, но их собственностью не являющаяся.

Основой крепостного хозяйства являлась феодальная собственность – земля в частной собственности феодала. Этот вид собственности характеризовался следующими признаками: монопольное право владения землёй принадлежало дворянству; непосредственный производитель – крепостный крестьянин, находившейся в личной зависимости от помещика, прикрепленный к своему земельному наделу без права собственности на него. Этой системе хозяйства исторически присущ низкий уровень развития производительных сил.

В условиях мобилизационного развития страны эта система была главным средством укрепления могущества государства, обеспечения приемлемого уровня развития экономики и поддержания военной силы. На какое-то время система крепостного права могла укрепить государство и обеспечить решение масштабных преобразований внутри страны и борьбу с внешними угрозами. Например, в эпоху Петра Великого. Однако такой путь, где крестьянин рассматривался лишь как средство, а не цель, не имел исторической перспективы и был социально-экономическим продуктом конкретной эпохи.

Замечу также, что все законодательные акты последующих лет, принимаемые в отношении крестьян, вплоть до 1803 года, были направлены на всё большее сокращение последних остатков их свобод и прав. Дело доходило до продажи помещиками крестьян, как вещи, порой отдельно от других членов семьи. Бесчеловечность, презрение к человеческой личности – главный порок крепостного права. Этим объясняется социальное напряжение в обществе, сопровождаемое бегством крестьян от своих хозяев, бунтами, различными массовыми крестьянскими волнениями.

Кризис, изначально заложенный в противоречиях крепостнической системы, становится в определённое время отчётливо видимым обществом и властью, начинает тормозить дальнейшее развитие. Считается, что отчётливое осознание исторической исчерпанности крепостного права произошло в России в первой четверти XIX в. Хотя возникавшие трудности и не представлялись ещё катастрофическими для страны: была одержана убедительная победа России в Отечественной войне 1812 года, наметился экономический подъём, связанный с ростом цен на российское зерно, расширялась торговля, росли и крепки города. Это создавало иллюзию могущества самодержавной крепостнической России и отодвигало намечаемые императором Александром I, победителем Наполеона, реформы вглубь нового, уже XIX века. Однако именно он первым предпринял серьёзные попытки уничтожить крепостное право в России и изменить её политическое устройство.

Александр I, любимый внук Екатерины II, воспитанный на трудах французских просветителей, после воцарения создал кружок “молодых друзей”, а позже Негласный комитет, где, в обстановке строгой секретности, в тесном кругу доверенных лиц обсуждалась программа назревших преобразований. После победы над Наполеоном был создан Секретный комитет по крестьянскому вопросу, но подготовленный черновой проект отмены крепостного права не получил одобрения императора и остался на бумаге.

Также секретно был подготовлен проект конституции под названием “Государственная грамота Российской империи” с расчётом на превращение России в конституционную монархию. В этом случае законодательная власть перешла бы к императору и двухпалатному законодательному органу, а исполнительная власть – к Государственному совету, состоявшему из Общего собрания и Комитета министров. Но император отказался от своего великого замысла: он не находил поддержки своим идеям не только у дворянства, но и в кругу царской семьи. Он вынужден был отказаться от решительного шага, горько заметив при этом: “Некем взять”. У него просто не было достаточно подготовленных кадров, способных не только разработать, но и организовать исполнение такой сложной реформы.

Но витавшая в передовых умах идея преодоления крепостничества не покинула Россию. Многие государственные и общественные деятели понимали, что крепостное право позорит Россию и низводит её в разряд отсталых государств. Крепостническая система изжила себя экономически. Помещичье хозяйство, основанное на труде крепостных крестьян, приходило в упадок. Это беспокоило правительство, которое было вынуждено тратить огромные средства на поддержку помещичьих хозяйств. Крепостничество мешало индустриальной модернизации страны, препятствуя образованию рынка свободной рабочей силы, накоплению капиталов, вложенных в производство, повышению покупательной способности населения и развитию торговли.

Нарастала социальная напряженность. Крестьяне протестовали, всё чаще и в массовом порядке отказываясь работать на барщине и выплачивать оброк. Участились массовые побегии, поджоги помещичьих усадеб.

Поражение в Крымской войне также сыграло роль важной политической предпосылки отмены крепостного права.

Передовые люди того времени видели бесчеловечность системы, лишившей своих главных кормильцев и защитников – крестьян – их законного права свободы выбора, свободы распоряжаться своей судьбой.

Вопрос о ликвидации крепостного права, которое наряду с самодержавием являлось главной опорной конструкцией социального строя России, его административной системы, с необходимостью требовал замены институтов и механизмов управления новыми, более эффективными. Вот почему необходимо было начать преобразование не только в крестьянской, но и в других сферах общественной жизни.

Нерешённые проблемы от Александра I перешли к следующему императору Николаю I.

Николай I, вступив на престол, горел желанием решить сложнейшие социально-экономические задачи страны, в том числе и крестьянский вопрос. Это было и понятно, ведь в начале его царствования, говоря словами Лескова, “было смятение”. А декабристы, организаторы этого “смятения”, первым же своим действием после захвата власти планировали именно отмену крепостного права. Николай I был неглупым человеком и прекрасно понимал всю

неотвратимость решения этой проблемы. Исследователи приводят его слова, сказанные в одной из доверительных бесед: “Я хочу отпустить крестьян с землёй, но так, чтобы крестьянин не стал отлучаться из деревни без спроса у барина или управляющего: дать личную свободу народу, который привык к долголетнему рабству, опасно. Я начну с инвентарей: крестьянин должен работать на барина три дня и три дня на себя; для выкупа земли, которую имеет, он должен будет платить известную сумму по качеству земли, и надобно выплатить в несколько лет, земля будет его. Я думаю, что надобно сохранить мировую поруку, а подати должны быть поменее”.

Однако все замыслы и начинания императора по крестьянскому вопросу заканчивались обсуждением проблем и не имели практического продолжения. Создаваемые им всякий раз Секретные комитеты по крестьянскому вопросу писали объёмную записку с указанием мер, необходимых для решения проблемы, затем обсуждали и одобряли документ и тут же заявляли о несвоевременности практических шагов. Комитет на этом распускался для того, чтобы через некоторое время был создан другой комитет по другой проблеме. И всё же правление Николая I было отмечено его Законом об “обязанных крестьянах” (1842 г.). Через пять лет, в 1847 году Николай I даровал крепостным право выкупа на свободу в случае продажи имения их владельца.

Но даже такое положение дел в решении крестьянского вопроса сыграет положительную роль только в будущем, когда реформа получит “зелёный свет” и когда будет цениться каждая дельная мысль, оставленная в записках Секретных комитетов, созданных некогда Николаем I.

Царствование Николая I, его личность заслуживают изучения современными политиками хотя бы потому, что дают массу примеров того, как не надо строить свою властную деятельность. Всепроникающий, но далеко не полезный и не эффективный государственный контроль, некомпетентность, безынициативность чиновников, разросшийся бюрократический аппарат, сокращение гражданских свобод, жёсткая цензура в печати, манера императора влезать во все мелочи столь многообразной жизни, лично руководить всем и вся, острая нехватка квалифицированных работников во властных эшелонах, выдвижение на ключевые посты бездарных людей (“Мне не нужны умники, мне нужны верноподданные”) – вот далеко не полный перечень ошибок императора, так и не приступившего к практической отмене крепостного права. Он не готовил ни людей, ни средств для осуществления неминуемых реформ.

19 февраля 1855 года, по смерти своего отца, на престол вступил Александр II. Именно ему принадлежит слава освободителя крепостных крестьян. Его правление (1855–1881 гг.) стало периодом радикальных преобразований всего российского общества, объединённых понятием Великая реформа.

Однако от воцарения на российском троне до начала реформ прошло около четырёх лет. Это были очень сложные годы для России. Крымская война (1853–1856 гг.), которую Россия проиграла, стала как бы наглядным итогом эпохи правления Николая I и неудачным началом правления его сына. Причин этому называли множество, но главная из них коренилась в отжившей крепостнической системе, в крепостнических отношениях, при которых никакая власть не была способна обеспечить прогресс в развитии России. Отсталость крепостнической России от передовых европейских стран через полвека после разгрома ею Наполеона и освобождения Европы стала для всех очевидной.

В этой обстановке Александр II сделал никем не предвиденный шаг: он направил всеобщее осуждение не на министров и высших чиновников, не на провалившие дело учреждения, не на просчеты отца во внешней и внутренней политике, а на само крепостничество, как главное зло. И теперь дальнейшее бездействие в решении главной задачи – ликвидации крепостного права – было бы чревато уже в обозримом будущем большим социальным взрывом. Это хорошо почувствовал наследный политик российский император Александр II.

Как и его отец Николай I, как и его дядя Александр I, Александр Николаевич главного противника начинания видел в лице поместного дворянства, чьи коренные интересы нарушала предстоящая реформа и чьё сопротивление буквально сгушалось на глазах.

Александр II всё-таки сделал свой исторический выбор и пошёл наперекор воле противников отмены крепостного права, представлявших значительную силу не только среди помещиков, но и среди бюрократии в высших эше-

лонах власти. Он смог объединить вокруг себя передовых людей, сильных и умных единомышленников, новых сторонников из лагеря противников, согласившихся, что освобождение крестьян лучше провести “сверху”, чем дожидаться социальной революции “снизу”.

Однако определённого плана действий у императора ещё не было. Была лишь твёрдая решимость пойти на коренные преобразования жизни страны.

В конституционных государствах все крупные мероприятия сначала разрабатываются в соответствующих министерствах, затем обсуждаются в Совете министров, а затем вносятся в парламент, которому принадлежит решающее слово. В России в то время не было ни конституции, ни парламента, ни Совета министров. Отдавая дань традиции, в соответствии с традициями прошлых царствований, в начале 1857 г. был создан Негласный комитет для разработки и обсуждения министерской программы действий. Как и ранее случалось, Негласный комитет переливал из пустого в порожнее, создавая лишь видимость работы. Набившие на этом руку старые выдвигенцы Николая I лишь дожидались момента, когда дело будет признано преждевременным, и комитет, как и бывало прежде, распустят до следующего какого-нибудь случая. Поэтому никаких практических действий по крестьянскому вопросу не предпринималось. Не поступало никаких инициатив и “снизу” – от затаившихся, как перед бурей, помещиков.

Неожиданный толчок делу дал виленский генерал-губернатор В. И. Назимов. Он сумел склонить местных дворян выступить с предложением об отмене крепостного права. При этом литовские помещики просили освободить крестьян без земли, а министерский проект предполагал освобождение с наделом. Назимов прибыл в столицу и просил дать разъяснение. Александр II приказал составить ответ за его подписью, исходя из министерской программы: освободить с земельным наделом. 20 ноября 1857 г. письменный ответ был утверждён царем.

Высочайший за подписью Александра II рескрипт давал первую правительственную программу реформы для трех губерний: Виленской, Гродненской и Ковенской. Помещики сохраняли право собственности на всю землю, но крестьянам оставлялась их усадебная земля, которую они могли выкупить (срок не определялся). Надельная земля предоставлялась крестьянам в пользование за повинности (без указания точных размеров). Вотчинная власть помещиков сохранялась, термин “освобождение крестьян” заменен более осторожным – “улучшение быта”. Для подготовки реформы предусматривалось открытие дворянских комитетов в названных трёх губерниях. Сам по себе рескрипт Назимову носил локальный характер и напрямую ещё не означал приступа к общероссийской реформе. Однако важность и кардинальная новизна этого акта заключалась в его гласности. Сразу же он был разослан всем губернаторам и губернским предводителям дворянства для ознакомления, а через месяц появился в “Журнале Министерства внутренних дел”. Теперь уже все мосты к отступлению были сожжены.

Гласность отныне стала мощным двигателем подготовки реформы и отрезала путь к отступлению. 5 декабря 1857 г. был принят аналогичный рескрипт для Петербургской губернии, что, по сути, означало неизбежность её дальнейшего распространения в других губерниях вслед за столицей. Известные демократические мыслители той эпохи Герцен и Чернышевский высоко оценили эти первые шаги Александра II на пути к реформе.

Негласный комитет был распущен и вместо него создан Главный комитет по крестьянскому делу. Режим секретности с подготовки реформы был снят.

Обстановка гласности вынудила помещиков откликнуться на призыв царя. К лету 1858 г. почти повсеместно были созданы губернские дворянские комитеты “по улучшению быта помещичьих крестьян”. Правительство разрешило обсуждать проект реформы, а дворянству предписали проявить инициативу в решении крестьянского вопроса. Крестьяне от обсуждения были отстранены.

В конце того же года стали поступать и отзывы. Для рассмотрения этих отзывов и составления подробного проекта реформы были образованы редакционные комиссии.

Был организован приезд в Петербург дворянских представителей. Их приглашали небольшими группами, опасаясь, что, собрав всех вместе, можно получить большую протестную силу. Прибывшим дворянским представителям не давали возможности высказывать свои предложения, а лишь предписывали от-

вечать на вопросы редакционных комиссий. Помещики забеспокоились, опасаясь, что правительственная бюрократия всё дело управления крестьянами заберет в свои руки. И дворянские депутаты требовали свободы печати, гласности, независимого суда и местного самоуправления. В ответ правительство запретило на ближайших дворянских собраниях обсуждать вопрос о реформах.

Это вызвало недовольство и протесты дворянства. Особенно в центральных губерниях, более сильных либеральными настроениями.

На собрании тверского дворянства помещик А. И. Европеус (бывший пётрашевец) произнёс яркую речь против произвола бюрократии и был отправлен в новую ссылку – в Пермь. Тверской губернский представитель дворянства А. М. Унковский был сослан в Вятку. Царь показал, что рука у него, как и у его отца Николая I, достаточно тяжёлая.

Обсуждение реформы в губернских комитетах и вызов дворянских представителей в столицу сыграли положительную роль перед решающим шагом. Разработчики реформы пришли к выводу о том, что она не может осуществляться по единому сценарию для всех частей страны. Необходимо было учесть местные особенности. Так, в губерниях с плодородными землями наибольшую ценность представляет земля, а с неплодородными – крестьянский труд, овеществлённый в оброк. Также не следовало отдавать помещицье и крестьянское хозяйство во власть рыночных отношений без достаточной подготовки – нужен был переходный период. Остановились на том, что крестьяне должны быть освобождены с землёй, а помещики должны получить гарантированный правительством выкуп. Эти идеи в конце концов легли в основу законоположений о крестьянской реформе.

В самый ответственный момент Александр II назначил председателем Главного комитета по крестьянскому делу своего брата великого князя Константина Николаевича, единомышленника и твёрдого сторонника освобождения крестьян. На последнем заседании Комитета и в Государственном совете реформу отстаивал сам царь. 19 февраля 1861 г., в шестую годовщину своего восшествия на престол, Александр II подписал все законоположения о реформе и манифест об отмене крепостного права. Поскольку правительство опасалось народных волнений, публикация документов была отложена на две недели – для принятия предупредительных мер.

5 марта 1861 г. манифест был прочитан в церквях после обедни. На разводе в Михайловском манеже Александр сам прочитал его войскам. Так пало крепостное право в России. “Положения 19 февраля 1861 г.” распространялись на 45 губерний европейской части России, в которых насчитывалось 22563 тыс. душ обоёго пола крепостных крестьян, в том числе 1467 тыс. дворовых и 543 тыс., приписанных к частным заводам и фабрикам.

Но освобождение крестьянства от крепостной зависимости произошло не под бой курантов, не одномоментным актом. Процесс растянулся во времени на целые десятилетия. Что-то из той эпохи осталось жить и в настоящем времени – русская классическая литература здесь может выступить главным свидетелем.

Случилось главное: с момента обнародования законов 19 февраля 1861 г. помещицье крестьяне перестали считаться барской собственностью. Отныне их нельзя было продавать, покупать, дарить, переселять по произволу владельцев, наказывать за любую провинность без суда и следствия. Правительство объявило бывших крепостных “свободными сельскими обывателями”, присвоило им гражданские права – свободу вступления в брак, самостоятельное заключение договоров и ведение судебных дел, приобретение недвижимого имущества на свое имя и пр. Это было знамя крестьянской реформы.

Однако вся земля в имении признавалась собственностью помещика, в том числе и та, которая находилась в пользовании крестьян. Манифест объявлял, что за пользование своими наделами крестьяне, ставшие лично свободными, должны были в течение двух лет (до 19 февраля 1863 г.) отбывать барщину или платить оброк, как и при крепостном праве. Отменялись лишь так называемые добавочные сборы (яйцами, маслом, льном, холстом, шерстью и т. п.), барщина ограничивалась двумя женскими и тремя мужскими днями с тягла в неделю. Несколько сокращалась подводная повинность, запрещался перевод крестьян с оброка на барщину и в дворовые.

Закон признавал такое состояние временным. Поэтому лично свободные крестьяне, несущие повинности в пользу помещика, назывались “временно-

обязанными”. Но и после 1863 г., через два объявленных года, крестьяне всё ещё находились долгое время на положении “временнообязанных”, то есть продолжали нести регламентированные “Положениями” феодальные повинности: платить оброк или выполнять барщину.

Рано или поздно, полагало правительство, “временнообязанные” отношения закончатся и крестьяне с помещиками заключат выкупную сделку – по каждому имению. По закону крестьяне должны были одновременно уплатить помещику за свой надел около пятой части обусловленной суммы. Остальную часть платило правительство. Но крестьяне должны были возвращать правительству эту сумму (с процентами) ежегодными платежами в течение 49 лет!

Опасаясь, что крестьяне не захотят платить большие деньги за плохие наделы и разбегутся, правительство ввело ряд жестких ограничений. Пока производились выкупные платежи, крестьянин не мог отказаться от надела и уехать навсегда из своей деревни без согласия сельского схода.

Крестьяне каждого помещичьего имения объединялись в сельские общества. Свои общие хозяйственные вопросы они обсуждали и решали на сельских сходах. Исполнять решения сходов должен был сельский староста, избираемый на три года. Несколько смежных сельских обществ составляли волость. В волостном сходе участвовали сельские старосты и выборные от сельских обществ. На этом сходе избирался волостной староста. Он исполнял полицейские и административные обязанности.

Деятельность сельского и волостного управлений, а также взаимоотношения крестьян с помещиками контролировалось мировыми посредниками. Они назывались сенатом из числа местных дворян-помещиков. Мировые посредники имели широкие полномочия. Но администрация не могла использовать мировых посредников в своих целях.

Главной задачей, которую выполняли мировые посредники, было составление уставной грамоты, в которой фиксировалось соглашение между помещиком и бывшим крепостным по поводу размеров крестьянского земельного надела и повинностей. Допустимые рамки таких соглашений между крестьянами и помещиками были обозначены в законе, но согласовать интересы помещика и крестьянина при разделе земли было чрезвычайно трудно. На 1 января 1863 года в 60% случаев крестьяне отказались подписать уставную грамоту. Цена земли по выкупу значительно превышала её рыночную стоимость. Однако появились и дарственные наделы. Переход на выкуп крестьянами земель растянулся на несколько десятилетий.

Как чаще всего случается, ожидания оказались выше реального результата. Крестьяне остались разочарованными не отменёнными барщиной и оброком, урезанными наделами земли, особенно в губерниях с высокоплодородными землями. Поэтому случались массовые волнения, против которых порой приходилось использовать даже войска.

Реформа не снизила остроту аграрного вопроса. Помещичье землевладение сохранилось, крестьяне были обречены на малоземелье, нищету и экономическую зависимость от помещиков. Интересы помещиков реформаторы защитили более основательно. В помещичьем хозяйстве сложилось три системы: отработочная, капиталистическая и смешанная.

При отработочной системе земля помещика обрабатывалась крестьянами собственным инвентарем. Безденежье и малоземелье вынуждали крестьян идти в кабалу к помещику за арендованную у него землю. Это была полукрепостническая форма эксплуатации с низкой производительностью труда.

Капиталистическая система подразумевала применение вольнонаемного труда крестьян-батраков, обрабатывающих землю помещика инвентарем самого хозяина земли. Именно в этих хозяйствах шире внедрялась сельскохозяйственная техника.

В смешанной системе использовался вольнонаемный труд и отработки. К концу 70-х годов XIX в. капиталистическая система ведения хозяйства стала вытеснять отработочную.

Применение вольнонаемного труда, использование сельскохозяйственных машин, улучшение агротехники оживили развитие производства и принесли неплохие результаты. Помещики-предприниматели и часть зажиточных крестьян, сумевших воспользоваться новой ситуацией, в некоторых регионах страны активно развивали товарное хозяйство. Сбор хлеба вырос за вторую половину XIX в. в два раза, хлебный экспорт России в 5,5 раза (7324 млн т).

К 1890-м годам на рынок поступало 50% собранного хлеба. Землевладение постепенно, но неуклонно утрачивало исключительно сословный характер, так как, наряду с привычным помещичьим, росла площадь землевладений, принадлежавших предприимчивым крестьянам.

Наметилась специализация производства: в районах черноземья (Украина, Поволжье) преимущественно зерноводство; в северо-западных и центральных губерниях – молочное скотоводство; в юго-восточных губерниях – мясное скотоводство. Это способствовало образованию устойчивого всероссийского рынка.

Таким образом, освобождение миллионов крепостных, втягивание крестьянского и помещичьего хозяйства в рыночные отношения, формирование рынка вольнонаемного труда, ускоренное развитие промышленности – всё это положительно повлияло на развитие страны в целом и явилось следствием крестьянской реформы, которая была первой в ряду других, следовавших за ней реформ.

Социальное оживление, светлые надежды на лучшую жизнь, в той или иной мере возникавшие у населения от осознания новых свобод, не могли упустить от взора победителей печального наследия в хозяйственном развитии страны. Кричащие следы хозяйственного запустения особенно четко проступали на местном, земском уровне жизни, в то время аграрного, по преимуществу, российского общества.

Народное образование в сельской местности ещё только зарождалось. Медицинское обслуживание крестьян практически отсутствовало. Население было беззащитным перед эпидемиями. О дорогах между сёлами и деревнями никто конкретно не заботился.

Нужны были местные органы власти, способные на местах решать эти проблемы. И 1 января 1864 г. был утверждён закон о земском самоуправлении. Началась земская реформа.

Земства – так называли органы местного самоуправления, создавались в уездах и губерниях, имели распорядительные (земские собрания) и исполнительные органы (земские управы). Они формировались на выборной основе, оставляя при этом преимущественные права дворянам. Земства занимались вопросами местного хозяйства, здравоохранения, образования, статистики. Для выполнения своих задач они получали право облагать население особым сбором. Полномочия земств были строго ограничены, участвовать в решении общегосударственных вопросов они не могли. Земства подчинялись губернаторам. Центральной земского органа учреждено не было.

Однако впервые в истории России появлялась система местного самоуправления, вокруг которой могли формироваться элементы независимого от власти будущего гражданского общества. Земства сыграли положительную роль в улучшении жизни и быта русской деревни, в развитии просвещения. Так, уже вскоре после их создания Россия покрылась сетью земских школ и больниц. Школьная реформа (1864 г.) утвердила положение о начальных народных училищах и доступность среднего образования для всех сословий.

Не остался без внимания реформаторов и город. Так называемое “Городовое положение” от 16 июня 1870 г. дало местное самоуправление населению городов с правом ведения городского хозяйства, содействия развитию просвещения городского населения. Городская дума из выборных гласных соответствовала уездному земскому собранию, городская управа, выбранная из среды гласных, – земской управе. Предоставляя городам право устраивать свою жизнь собственными силами и средствами, правительство оставило за собой лишь право надзора, следя за тем, чтобы действия думы и управы не выходили за рамки предоставленных им полномочий.

Одновременно с земской реформой в 1864 г. наиболее последовательно была проведена судебная реформа. Старые сословные суды ликвидировались, создавались мировые и коронные суды, единые для всех сословий. Они функционировали на основе принципов публичности и гласности, состязательности сторон, то есть с участием адвоката и прокурора в судебном заседании, также независимости судей, назначаемых императором. Наконец, учреждался суд присяжных для вынесения вердикта о виновности или невиновности подсудимого.

Новые, современные органы самоуправления и суда значительно освежили социальную жизнь страны, повысили гражданскую активность и самосо-

знание населения, его правовую грамотность. Последовали другие реформы: университетская реформа (1863 г.) увеличила административную и хозяйственную самостоятельность учебных заведений, способствовала объединению преподавателей и студентов в кружки, ассоциации, повышая уровень общественной активности. Реформа печати (1865 г.) отменила предварительную цензуру.

Кроме этого, была проведена военная реформа, которая растянулась почти на полтора десятка лет (1862–1874). Теперь страна была поделена на военные округа, был обновлен и качественно улучшен офицерский корпус, создана система военного образования, осуществлено техническое перевооружение армии.

В 1874 г. Александр II утвердил закон о переходе к всеобщей воинской повинности. С этого времени все мужчины в возрасте 20 лет без различия сословий подлежали призыву в армию и на флот. Действовала сложная система льгот (в зависимости от образования, семейного положения, состояния здоровья), благодаря которой в армию на самом деле призывалось не более 25–30% мужчин призывного возраста.

В единой системе с крестьянской реформой все эти чрезвычайно назревшие изменения имели непреходящее историческое значение для России. Они охватили практически все сферы жизни общества, внесли принципиальные изменения в жизненный уклад многонационального населения величайшей в мире страны России, страны в то время по преимуществу, аграрной. И хотя реформы 60–70-х годов не коснулись верхних этажей власти и потому остались нетронутыми самодержавие и полицейский строй, которые также следовало привести к системному соответствию с коренными преобразованиями, реформы 1861 года, начиная с крестьянской, они, бесспорно, создали социально-политические и правовые условия для начала модернизации.

Великие реформы 60–70-х годов XIX века означали важный шаг в формировании в России правого государства и гражданского общества.

С высоты полуторавекового юбилея становятся виднее как успехи крестьянской, как и всей Великой реформы 1861 года, но также и не использованные до конца возможности в её осуществлении. Многие стали сегодня понятнее в жизни России той поры благодаря накопленному нами опыту осуществления новой реформы в России. Учитывая опыт полуторавековой давности, нам надо не допустить прежних ошибок и просчётов. В том числе и по крестьянскому вопросу. В любом случае, опыт реформ – наше бесценное национальное достояние.

Крестьянский вопрос постоянно оставался в центре преобразований. Он снова заметно обострился в начале XX века, послужив одной из причин русской революции 1905 года. Из эпохи правления Александра II крестьянский вопрос вышел отягощённый многочисленными недугами, которыми обладало изначально общинное землепользование – крестьянская община.

Сохранение общины было особенностью реформы 1861 года. Ведь земельные наделы передавались крестьянам на правах коллективной формы общинного пользования, а после выкупа – общинной собственности. Законодатели исходили из того, что община “представляет на первый раз самый твердый оплот против последних усилий помещиков сохранить за собой сильную власть помещика над крестьянами, не привыкшими быть ещё свободными хозяевами своей только что создающейся собственности”. С общины было проще взимать налоги, чем с каждого крестьянина индивидуально. Кроме того, община помогала выживать слабым, организоваться в самоуправляемое жизнеспособное сообщество после выхода каждого в отдельности крестьянина из крепостной зависимости. Общину называли не иначе, как островком социальной стабильности в недовольном крестьянском мире.

Однако традиционные общинные порядки обладали значительной инертностью и препятствовали образованию крупных частных хозяйств, сдерживали предприимчивость и личную инициативу членов общины, консервировали традиционные способы хозяйствования. Выйти из общины было можно, но крайне затруднительно – лишь после одобрения такой личной просьбы двумя третями крестьянского схода.

До 1905 года государство поддерживало крестьянскую общину, способствовало их насаждению в деревне, хотя и видело в перспективе неизбежность

её постепенного преодоления по мере перехода от коллективной крестьянской собственности к единоличной, к созданию в стране самостоятельных крестьянских хозяйств, наряду с сохранением крупных помещичьих. Потенциал личности крестьянина, высвободившегося из-под крепостнического гнета, жаждал для себя самостоятельного поля деятельности и ждал своего часа.

На этот раз необходимо было разорвать оковы общины. Требовалась вторая после 1861 года реформа, теперь уже по преодолению оков общины. Главным руководителем, организатором и исполнителем новых преобразований в области сельского хозяйства и землепользования с 1906 года стал П. А. Столыпин, председатель Совета министров и министр внутренних дел. Широко цитируются его крылатые выражения: “Дайте государству 20 лет внутреннего и внешнего мира, и вы не узнаете нынешней России” и “Вам нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия”.

Этой реформе уже предшествовала кропотливая и тщательная подготовка. С 1894 года в Министерстве внутренних дел началась работа по пересмотру крестьянского законодательства. С 1902 года эта работа была передана специально созданной редакционной комиссии при МВД. Тогда было образовано Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности под председательством С. Ю. Витте. В структуру Особого совещания вошли 618 местных комитетов, объединявших около 12 тысяч членов. В 1905 году вместо него создаётся Особое совещание о мерах по укреплению крестьянского землевладения. В том же году учреждён Комитет по земельным делам для руководства землеустройством крестьян и переселенческим делом. Огромное значение имела деятельность образованного ещё в 1882 году Крестьянского поземельного банка, предоставившего зажиточным слоям крестьянства кредиты для приобретения земли на самых льготных условиях. За годы реформы им было выделено около одного миллиарда рублей для приобретения 9,1 миллиона десятин земли.

Столыпинская реформа началась с Указа от 9 ноября 1906 года, по которому “каждый домохозяин, владеющий надельной землёй на общинном праве, может во всякое время требовать укрепления за собой в личную собственность причитающейся ему части из означенной земли”.

Реформа в основном коснулась крестьянских земель, находящихся внутри общин, и при этом практически не затронула имений крупных землевладельцев. Составной частью реформы являлось переселение крестьян из центральных районов, где земли хронически не хватало. За 1906–1914 годы только в Сибирь переселилось 3,3 миллиона человек (для сравнения: в 1883–1905 гг. – 1,6 миллиона человек). Производство зерна в 1907–1913 гг. увеличилось по сравнению с 1900–1906 гг. с 26,7 до 30,5 миллиона пудов, или на 14,2 процента. Рост урожайности зерновых составил 107 процентов для ржи, 111,1 процента – для пшеницы, 106,6 процента – для овса и 133,7 – для ячменя.

Столыпинская реформа была прервана Первой мировой войной. Нельзя не отметить две существующие на сегодня противоречивые оценки её результатов. Одни считают, что реформа Столыпину не удалась, не достигла ни экономических, ни политических целей, которые перед ней ставились. Однако факты убеждают в обратном. Так, с 1905 по 1913 гг. объём ежегодных закупок сельхозтехники вырос в 2–3 раза. Производство зерна в России в 1913 году превышало на треть объём производства зерновых в США, Канаде и Аргентине вместе взятых. Российский экспорт зерна достиг в 1912 году 15 миллионов тонн в год. В Англию только масла вывозилось на сумму вдвое большую, чем стоимость всей ежегодной добычи золота в Сибири. Избыток хлеба в 1916 году составлял 1 млрд пудов.

Широкое развитие получило кооперативное движение. Ссуды Крестьянского банка не могли полностью удовлетворить спрос крестьянина на денежный товар. Поэтому значительное распространение получила кредитная кооперация. Сельские кредитные товарищества, накапливая собственный капитал, развивались самостоятельно. В результате была создана широкая сеть институтов мелкого крестьянского кредита, ссудно-сберегательных банков и кредитных товариществ, обслуживающих денежный оборот крестьянских хозяйств. К 1 января 1914 года количество таких учреждений превысило 13 тысяч. Кредитные отношения дали сильный импульс развитию производственных, потребительских и сбытовых кооперативов. Крестьяне на кооперативных началах создавали молочные и масляные артели, сельскохозяйствен-

ные общества, потребительские лавки и даже крестьянские артельные молочные заводы.

Аграрная реформа, получившая название Столыпинской, имела огромное значение для России. Известный политический обозреватель П. Б. Струве, один из первых русских марксистов, дал следующую характеристику деятельности Столыпина: “Как бы ни относиться к аграрной политике Столыпина – можно её принимать как величайшее зло, можно её благословлять как благодетельную хирургическую операцию, – этой политикой он совершил огромный сдвиг в русской жизни. И сдвиг поистине революционный и по существу, и формально. Ибо не может быть никакого сомнения, что с аграрной реформой, ликвидировавшей общину, по значению в экономическом развитии России в один ряд могут быть поставлены лишь освобождение крестьян и проведение железных дорог”.

Осуществление Великой реформы стимулировало научный интерес к аграрной проблематике, способствовало развитию науки и появлению на высоких кафедрах ярких фигур оригинальных исследователей и мыслителей. Назову имя Александра Васильевича Чаянова, беззаветно служившего российской и советской аграрной науке и ставшего безвинной жертвой политических репрессий.

Всю совокупность теоретических воззрений А. В. Чаянова можно условно разделить на три основные части: теорию крестьянской кооперации, концепцию трудового хозяйства отдельной крестьянской семьи, теорию организации аграрного сектора в целом.

Он обосновал суть кооперации крестьянских хозяйств в вовлечении их в различные формы сбытовых, потребительских и производственных добровольческих коллективов. А. В. Чаянов так разъясняет идею сельскохозяйственной кооперации: “Основная идея сельскохозяйственной кооперации в высшей степени проста. Если мы внимательно всмотримся в состав крестьянского хозяйства, довольно сложного по своему устройству, то мы легко сможем убедиться в том, что для целого ряда отраслей его крупная форма даст сразу непосредственно большую выгоду. При этом почти всегда оказывается весьма легко, не нарушая работы остальных частей хозяйства и не разрушая трудового семейного хозяйства, выделить отдельные работы и соединить их сообща с соседями в одно общее большое дело”.

Одним из направлений деятельности А. В. Чаянова стала разработка аграрных преобразований. Накануне революционных событий для земледельческой России аграрный вопрос имел особо важное значение, поскольку в нём переплелись экономические и социально-политические проблемы того времени. В своей работе “Что такое аграрный вопрос?” А. В. Чаянов выразил один из самых страстных своих призывов: помочь крестьянам, дать возможность каждому из них обеспечить семью и накормить народ своей страны. Решение аграрного вопроса А. В. Чаянов видел в социализации земли, сущность которой, с его точки зрения, – в уравнительном распределении земли по трудовой норме, то есть крестьянин должен получать надел земли, который он мог бы обработать трудом своей семьи, или по потребительской норме надела, чтобы доход с земли удовлетворил все потребности его семьи. Здесь же А. В. Чаянов показал, как крестьяне, не прибегая к наёмному труду и концентрируя усилия нескольких хозяйств на реализации каких-либо отдельных технологических операций, могли поднять производительность своих хозяйств и реально конкурировать с капиталистическими предприятиями.

В апреле 1917 г. была создана Лига аграрных реформ, в которую вошли: А. В. Чаянов, А. Н. Челинцев, Н. П. Макаров, А. А. Рыбников. Они видели в крестьянском хозяйстве основу будущего народнохозяйственного строя в России. Чаянов обратился к членам Лиги: “Мы считаем, что: 1) трудовое кооперативное крестьянское хозяйство должно лечь в основу аграрного строительства России, и ему должны быть переданы земли нашей родины; 2) передача эта должна совершиться на основе государственного плана земельного устройства, – планомерно и организовано осуществимого без нарушения производственного напряжения нашего народного хозяйства; 3) земельное устройство есть только часть решения аграрной проблемы, которая включает в себя все вопросы, связанные с общими условиями сельскохозяйственного производства, организацией трудовых хозяйств и организацией связи этих

хозяйств с общим мировым хозяйством”. Лига выдвинула А. В. Чаянова на должность товарища министра земледелия. Он предложил свой план построения продовольственного дела в России. Считал, что в деревне одновременно могут существовать различные формы трудового землепользования – и личная, и общественная, и артельная.

С 1919 г. А. В. Чаянов активно работал в Народном комиссариате земледелия, занимался подготовкой плана восстановления сельского хозяйства, много сил отдавал преподавательской работе, по-прежнему руководил Институтом сельскохозяйственной экономики. Этот период стал наиболее плодотворным в жизни учёного, именно тогда вышли его основные обобщающие труды “Организация крестьянского хозяйства” (1925), “Краткий курс кооперации” (1925), “Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации” (1927), “Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации” (1927), “Бюджетные исследования. История и методы” (1929) и др. В книге “Очерки по экономике трудового сельского хозяйства” (1924) А. В. Чаянов собрал все статьи, появившиеся за последние двенадцать лет и подвёл итог тому, что сделал в рамках организационно производственной школы.

Как уже отмечалось, важным предметом теоретических исследований А. В. Чаянова является семейно-трудовое крестьянское хозяйство в его взаимоотношениях с окружающей экономической средой. Он исходил из того, что семейно-трудовое крестьянское хозяйство представляет собой сложную экономическую единицу, которую нельзя разрушать вмешательством извне. Только в собственном хозяйстве крестьянин работает с полной отдачей, высокопроизводительно. По Чаянову, крестьянская семья – это самостоятельное семейно-трудовое предприятие, живущее по своим законам, отличающимся от законов капиталистического предприятия, основанного на наёмном труде. В семейном хозяйстве крестьянин в одном лице и хозяин, и работник. Чаянов рассматривает такое хозяйство как главным образом натуральное хозяйство, втягивающееся в процесс рыночного обмена с целью продажи излишков и лучшего удовлетворения собственных нужд.

Определяя предмет своего исследования, А. В. Чаянов в главном труде “Организация крестьянского хозяйства” писал: “Нас интересует не система крестьянского хозяйства и формы организации в их историческом развитии, а сама механика организации одного процесса”. В качестве основополагающих выступают здесь понятия организационного плана и трудовопотребительского баланса крестьянского хозяйства, сформулированные еще в дореволюционных работах Чаянова. Организационный план, или субъективное отображение крестьянином системы целей и средств хозяйственной деятельности, включает в себя выбор направления хозяйства, сочетания его различных отраслей, увязку трудовых ресурсов и основных объёмов работ, разделение продукции, потребляемой в собственном хозяйстве, и продукции, направляемой на рынок, баланс денежных поступлений и расходов. В свою очередь, концепция трудовопотребительского баланса исходила из того, что крестьянин, используя в своем хозяйстве собственный труд и труд членов своей семьи, стремится не к максимуму чистой прибыли, а к росту общего, валового дохода, равновесию производственных и природных факторов, соответствию производства и потребления, равномерному распределению труда и дохода в течение всего года.

Поскольку конечной целью трудового крестьянского хозяйства остаётся потребление, а не накопление денежных средств, рыночные критерии здесь не всегда применимы. Так, категория заработной платы в некапиталистическом хозяйстве крестьянина превращается в его чистый доход, пополняющий личный бюджет семьи. Точно так же модифицируется земельная рента – в семейном крестьянском хозяйстве она теряет нетрудовой характер, принимает вид избыточного дохода, получаемого крестьянской семьёй из-за выгод местоположения по отношению к рынку сбыта, повышенного плодородия земли, других факторов.

Концепция организационного плана и трудовопотребительского баланса Чаянова позволила ему объяснить ряд парадоксов в развитии крестьянского хозяйства дореволюционной России. Так, эмпирические материалы, собранные при анализе крестьянского льноводства и картофелеводства, показывали, что эти трудоёмкие культуры давали очень малую чистую прибыль, а потому почти никогда не получали большого распространения в хозяйствах предприни-

матерского типа. Напротив, малоземельные крестьяне разводили их весьма широко, так как, теряя в размере чистой прибыли, получали возможность расширить объём применяемого в собственном хозяйстве труда и сократить сезонную безработицу.

Кроме того, как отмечал Чаянов, крестьяне в годы неурожая, чтобы добиться хотя бы некоторой стабильности потребительских доходов, не снижали, а, наоборот, резко повышали предложение труда, благодаря чему зарплата в аграрном секторе России оказывалась обратно пропорциональной ценам на хлеб. В случае же улучшения рыночной конъюнктуры крестьянское хозяйство не увеличивало, а сокращало годовой фонд рабочего времени, чтобы облегчить условия труда и жизни. К числу парадоксальных ситуаций, объяснённых Чаяновым, относились также уплата крестьянами очень высоких "годовых аренд" (с целью загрузить во что бы то ни стало свободные рабочие руки); регулярная практика отхожих промыслов (они ослабляли собственное земледельческое хозяйство, но давали крестьянам возможность более равномерно распределить трудовые ресурсы по временам года). Таким образом, именно семейно-трудовая теория Чаянова сумела раскрыть смысл целого ряда экономических фактов, которые до неё не находили теоретического объяснения.

По его мнению, для подъёма советской агроэкономики надо было крестьян объединять в кооперативы, с последующим ограничением и вытеснением эксплуататорских отношений и привлечением сельских пролетариев к семейно-трудовому хозяйствованию через предоставление кредита. По Чаянову, ценность кооперации двояка: она имеет, с одной стороны, антикапиталистическое содержание, освобождая крестьян от перекупщиков, а с другой – антибюрократическое, развивая трудовое самоуправление. Он выступал против огосударствления кооперативов и отстаивал их самостоятельность при решении хозяйственных вопросов.

Анализ работ А. В. Чаянова, посвящённых трудовому крестьянскому хозяйству, позволяет с уверенностью констатировать, что ученый не только не отрицал, а, напротив, предвидел преобразование крестьянского хозяйства в крупное общественное. Кроме того, он обосновал условия, пути и формы такой трансформации. Он писал, что крестьянская кооперация – это союз хозяйств, и "...хозяйства, входящие в такой союз, от этого не уничтожаются, а по-прежнему остаются мелкими трудовыми хозяйствами". Главный путь – кооперативная коллективизация, то есть кооперирование крестьянских индивидуальных хозяйств.

А. В. Чаянов доказал преимущества кооперирования отдельных видов деятельности крестьянских хозяйств (вертикальная кооперация), перед артелями (колхозами), коммунарами (горизонтальная кооперация), где обобществлялась вся собственность и в том числе крестьянский труд. Выступая за вертикальную кооперацию, он критически относился к сталинским колхозам, предлагая вместо национализации земли передать её в трудовую собственность без права купли-продажи.

Однако принятый в 1928 г. план индустриализации за счет ликвидации крестьянских хозяйств как производящих ячеек, отметал все противостоящие точки зрения, к сожалению, и воззрения А. В. Чаянова.

Александр Васильевич Чаянов относится к числу тех великих людей, которые желали быть полезными Отечеству в любых труднейших условиях, даже в годы "великого перелома". Мировая война, Октябрьская революция, Гражданская война и интервенция, последовавшая за ними разруха народного хозяйства, привели Чаянова в ряды тех, кто не смог пройти мимо голода и страданий и отдал всего себя служению русскому народу. С этим связаны его попытки внедрить научные разработки при организации Дигорского агроиндустриального комбината в Северной Осетии, Еланского и Воловского комбинатов в Тульской области, зернового совхоза "Гигант" под Ростовом, хлопкового совхоза "Пахта-Арал" в Голодной степи. Некоторые исследователи считают эти разработки прообразом современных агроиндустриальных комбинатов. Кроме того, практика развития сельского хозяйства в Европе, США, Канаде, Японии подтвердила идеи великого учёного. Его научное наследие изучают в Англии, Франции, Италии, Индии, США, Латинской Америке, и этот интерес носит не научно-исторический, а практический характер.

Аграрный и земельный вопросы остаются злободневными в России и спустя сто лет. Именно поэтому новое значение приобретают работы А. В. Чая-

нова по кооперации в сельском хозяйстве, страхованию, исследованию бюджетов домашних хозяйств, определению оптимального размера сельскохозяйственного производства, землеустройству, организации коллективного хозяйства, общественному устройству сельской жизни. Не потеряло своей значимости сформулированное учёным положение о формах и методах кооперации, о выборе оптимальных решений практически в любом вопросе экономического строительства, о приоритетности человека и семьи, о многообразии организационных форм в самом крупном производстве, о необходимости учёта всей совокупности объективных условий. Изучение и практическое использование трудов Чаянова является насущной необходимостью сегодняшней российской аграрной науки. Работы Чаянова, несомненно, помогут современным учёным в разработке рекомендаций по аграрному реформированию, в поисках путей увеличения эффективности аграрного производства России.

В конце XX века новое поколение реформаторов начало в очередной раз реорганизовывать личное хозяйство. Первым актом реформы послужила либерализация цен, которую провели без должной подготовки необходимой законодательной базы, без серьёзной организационной и разъяснительной работы. Произошло резкое самоустранение государства – от практически вездесущего влияния и централизованной системы управления сельским хозяйством до оставления отрасли и её работников на произвол судьбы. От такого стресса аграрная отрасль впала в депрессию, и мы наблюдали самый сильный спад в сельскохозяйственном производстве за всю историю страны.

В 1994 году было принято постановление Правительства РФ “О программе аграрной реформы в Российской Федерации на 1994–1995 гг.”, где утверждалось: “Аграрная реформа в России предусматривает комплексное переустройство агропромышленного производства, многоукладность сельского хозяйства, многообразие форм собственности на землю и средства производства, государственный протекционизм в регулировании развития агропромышленного комплекса, его технико-технологическое переоснащение, развитие кооперации и интеграции”. Однако количественные изменения, в частности, рост числа фермерских хозяйств и создание на базе колхозов и совхозов новых форм хозяйствования не смогли нейтрализовать разрушающего воздействия диспаритета цен, рыночной стихии, самоустранения государства от выполнения объективно присущих ему функций управления.

И вот в результате шести лет преобразований агропромышленного комплекса на новых основаниях был сделан общий вывод: **без государственной поддержки сельское хозяйство нормально существовать не может**. Был принят Федеральный Закон от 14 июля 1997 года № 100 “О государственном регулировании агропромышленного комплекса”. Так были установлены правовые основы экономического воздействия государства на агропромышленное производство.

Однако процесс перехода аграрной экономики к рыночным отношениям достаточно сложен и противоречив в силу крайней запущенности проблем, корни которых уходят вглубь истории социально-экономических и других общественных отношений нашего государства. Аграрный сектор два последних десятилетия преодолевает череду преобразований, однако ни одно из них пока не помогло окончательно решить по-прежнему актуальный крестьянско-аграрный вопрос.

Динамичное и эффективное развитие сельского хозяйства должно стать не только общеэкономической предпосылкой успешного развития большинства накопленных в отрасли производственных, финансовых, социальных проблем, но и способом системного согласования установок на удвоение валового внутреннего продукта, сокращение бедности и укрепление продовольственной безопасности страны, то есть должно обеспечить успешную реализацию комплекса целей социально-экономического развития страны. В связи с этим разработан Приоритетный национальный проект “Развитие АПК”, который включает в себя три направления: ускоренное развитие животноводства; стимулирование развития малых форм хозяйствования; обеспечение доступным жильём молодых специалистов на селе. Также принята Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы. Целями Программы на пятилетний период являются: устойчивое

развитие сельских территорий, повышение занятости и уровня жизни сельского населения; повышение конкурентоспособности российской сельскохозяйственной продукции на основе финансовой устойчивости и модернизации сельского хозяйства; сохранение и воспроизводство используемых в сельскохозяйственном производстве земельных и других природных ресурсов.

В ежегодном Послании Федеральному Собранию РФ от 12 ноября 2009 года Президент Российской Федерации Д. А. Медведев заявил: “Мы продолжим политику поддержки села и в будущем. У нас есть все возможности, чтобы сделать сельское хозяйство одним из лидеров экономического роста на годы вперёд. И в результате этого улучшить и качество жизни на селе”.

Будем надеяться, что вековая мечта российского крестьянства сбудется.